

УДК 81.38

ПРИТЧИ СОЛОМОНА: АКСИОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА

КАРАСИК Владимир Ильич,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются концептологические и стилистические характеристики одной из канонических книг Библии – «Притчи Соломона». Описаны основные концепты этих притч – «мудрость» и «праведность», показана их диалектическая взаимосвязь. Определена прагматическая доминанта книги – установка на деятельное добро. Раскрыты стилистические особенности притч – бинарная структура стиха, мозаичная организация тематики, специфический ритм текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Библия, притчи, афористика, концепты, ценности, стиль.

KARASIK V.I.,

Dr. Philol. Sci., Professor, Head of the Department English Philology
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE BOOK OF PROVERBS: AXIOLOGY AND STYLE

ABSTRACT. The article deals with conceptual and stylistic peculiarities of Biblical "Book of Proverbs". Two basic concepts – "wisdom" and "righteousness" – are described in their dialectical interconnection. The pragmatic essence of the book may be defined as the mindset of being good in action. Stylistic characteristic features of the book concerning the binary structure of a verse, mosaic topical organization and a specific textual rhythm are discussed.

KEY WORDS: the Bible, proverbs, aphorisms, concepts, values, style.

Притчи Соломона – одна из канонических книг, включенных в библейский Ветхий Завет. В оригинале произведение называется «Mishlei Shlomo» - слово «mashal» значит «пословица, притча, аллегория, пример» и этимологически восходит к идее сравнения. Эта книга представляет собой сборник речений, состоящий из 31 главы, в каждой из которых около 30 стихов. Содержательно эти речения представляют собой наставления в виде прямых призывов и афоризмов, обращенных к молодому человеку и касающихся мудрого и праведного образа жизни. Эти наставления приписываются царю Соломону, великому правителю Израильского царства (965-928 гг. до н.э.), прославившемуся своей мудростью и богатством. Наставления перекликаются с содержанием книги «Екклесиаст», также традиционно приписываемой царю Соломону, и находят множественные параллели в текстах Ветхого и Нового Заветов. Текст этого произведения был оформлен как единое целое несколько позднее и включает отсылки к царствованию Езекии (721-691 до н.э.) и наставления, высказанные мудрецом Агуром и царем Лемуилом. «Притчи Соломона» неоднократно привлекали к себе внимание комментаторов (Бриджес, 2006; Лопухин, 1987; Мэтью, 2007; Олесницкий, 2005; Утевский, 2012). Книга притч является

образцом библейской дидактической риторики.

Каковы характеристики этого дискурсивного стиля?

Во-первых, обращает на себя внимание специфическая поэтика наставлений. Большинство стихов представляют собой краткое поучение, четко распадающееся на две части:

Начало мудрости - страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление. Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей, потому что это - прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей (1:7-9).

Бинарная структура этих речений сводится к тезисам, дублирующим и уточняющим друг друга. Соотношение темы и подхвата подчиняется эстетическому правилу, согласно которому фон должен быть слабее, чем акцентируемая часть стиха. Можно согласиться с известным мнением о том, что для Библии в целом и для Книги притчей в частности характерна особая рифма – рифма понятий.

Во-вторых, значимым является отсутствие тематической группировки поучений, содержательно можно выделить наидания, касающиеся отношения к родителям, призывы вести себя честно и праведно, избегать разврата и т.д. Эти фразы распределены в свободном порядке

по разным главам текста и представляют собой своеобразную разноцветную мозаику. Такое мозаичное переплетение тем превращает текст в некое музыкально-поэтическое произведение, тематика которого является сложным пестрым узором, настраивающим слушателя на особое мировосприятие. Известно, что логическое причинно-следственное развитие темы легко запоминается, но и открыто для возражений. Алогическая последовательность речений обладает гипнотической силой.

Например:

Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти. Не допустит Господь терпеть голод душе праведного, стяжание же нечестивых исторгнет. Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета - сын разумный, спящий же во время жатвы - сын беспутный (10: 2-5).

В этих речениях говорится об отношении к собственности, о праведности, о лени и трудолюбии. Обратим внимание на специфический контекстный контраст: наряду с узуальными антонимами «неправедность – правда», «бедность – богатство», «лень – прилежание», «разумный – беспутный» мы видим окказиональные противопоставления «польза – смерть», «собирающий – спящий».

В-третьих, слушатель оказывается под воздействием ритма библейских назидательных фраз. В соответствии с древнееврейской грамматикой на первом месте в повествовательном предложении стоит глагол, и поэтому синтаксический повтор фразовой структуры с ударением, как правило, падающим на последний слог, усиливает идею высказывания. Сравним (11:29):

Русский перевод: Растроивающий дом свой получит в удел ветер, и глупый будет рабом мудрого сердцем.

Английский перевод: He that troubleth his own house shall inherit the wind; and the foolish shall be servant to the wise of heart.

Исходный текст (транскрипция): [Okher beito inkhal ruakh veeved evil lakhakham lev]. – Букв. «Губит дом свой – унаследует ветер, потрудится глупец на мудрого сердцем».

Энергетика исходного текста обусловлена также краткостью фраз, переводы которых оказываются длиннее оригинала.

Следует отметить, что в анализируемом тексте достаточно много высказываний, в которых смысл выражается не аллегорически, а прямо. Например:

Сын мой! наставления моего не забывай, и заповеди мои да хранит сердце твое; ибо долготы дней, лет жизни и мира они приложат тебе (3:1-2).

Проповедник обращается к сыну, которому собирается передать царство. В этих поучениях четко выражены важнейшие ценности библейского миропонимания – мудрость и праведность. Последовательность упоминания тех или иных ценностей не является случайной: в частности, долголетие предшествует миру. Вспомним, что

тема жизни и смерти является важнейшей в «Экклесиасте», мудрый царь уверяет слушателей в том, что следует осмысленно прожить свою жизнь, хотя беды и разочарования неизбежны. Если человек ведет себя разумно, то есть вероятность, что дни его жизни продлятся дольше, чем у тех, кто поступает вопреки мудрости. Соответственно, этот человек гораздо больше успеет сделать. Известно, что «Притчи Соломона», как и «Экклесиаст», не были сразу же единодушно признаны достойными для включения в число канонических книг Священного Писания. Протесты высказывались как в иудейском, так и в христианском сообществах. Одной из причин критики было то, что в этих философско-богословских книгах не выражена в качестве безусловной истины идея подготовки к жизни после смерти. Здесь нет античного гедонизма, призывов жить сегодняшним днем ради получения удовольствия, но четко формулируется мысль о том, что следует ценить данную нам на наш краткий век жизнь как возможность помочь другим, принести пользу людям и себе и тем самым увеличить добро в мире и послужить Создателю. Заметим, впрочем, что прославляя долголетие, Соломон прожил 62 года – не так много в сравнении с другими персонажами Библии.

Мир признается важнейшей ценностью бытия (в тексте притч нет упоминания о героизме как высшей доблести человека, хотя содержатся призывы вести войну обдуманно и коллегиально), в этом плане имя царя Соломона – Шломо, от слова «шалом» - «мир», соответствует приоритетам мудрого правления. Мир неизбежно предполагает необходимость договариваться с другими людьми, идти на компромиссы. В древнем сообществе считалось, что дело царя – вести войну и вершить суд. В нарративной части Ветхого Завета приводится множество описаний различных войн, времена мира были счастливыми промежутками между постоянными вооруженными конфликтами. Не удивительно, что царь, которому удалось избежать войн, запомнился народу как мудрец. Последовательность упоминания долголетия и мира в цитируемом наставлении, возможно, следует трактовать как соотношение условия и цели мудрого правления – царь должен вести себя мудро, чтобы стабильно оставаться на троне ради поддержания мира.

Заслуживает внимания важнейший концепт рассматриваемого текста – мудрость. В ряде случаев этот концепт выражен в русском переводе как «премудрость», т.е. в усилительном смысле:

Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою: «доколе, невежды, будете любить невежество? [доколе] буйные будут услаждаться буйством? доколе глупцы будут ненавидеть знание? (1: 20-22).

Концепт «мудрость» - «khakhama», англ. «wisdom», признается основой рационального поведения и знания. В таком сочетании концептов (мудрость – разум – знание) прослеживается определенная логика: мудрость представляет собой исходное целостное отношение к миру,

органически соединяющее в себе чувство, интеллект и волю. Не может в таком понимании мудрость быть несправедливой. Второй компонент триады – разум, т.е. понимание и осмысление – представляет собой дискурсивное развертывание мудрости, но при этом акцентируется интеллектуальная составляющая поведения, здесь возможны ошибки и отклонения. Именно поэтому мудрецы говорили о важности голоса сердца в мудром мировосприятии. Третий компонент триады – знание – объективирует мудрость в речи и поступках, знание может быть отделено от его носителя. Соответственно, и доля бессознательных и сознательных искажений истины в знании возрастает по сравнению с настоящей мудростью. Разумеется, это – одно из возможных прочтений ассоциативного смысла концепта «мудрость» в тексте притч.

Кто отвергает мудрость? Выделяются три группы людей, отвергающих мудрость: 1) невежды, т.е. грешники, которым нравятся их порочные мнения о добре и зле, 2) буйные, которым нравится обижать окружающих либо глумиться над святынями, 3) глупцы, которые ненавидят знание и имеют укорененную антипатию к благочестию [1, с. 640-641]. В исходном тексте невежды обозначены словом «ptaim» - «простаки, или легковверные», букв. «соблазняемые», эти люди пытаются уйти от ответственности за свои поступки, полагая, что кто-то другой должен принимать решения, их этические нормы полностью обусловлены практической целесообразностью (вспомним известный пример готтентотской морали: Если у меня украли стадо, это плохо, а если я украд стадо, это – хорошо). Слово «буйные» не совсем точно передает смысл исходного слова «leitsim» - «насмешники, или кощунствующие», в английском варианте перевода мы видим более точное соответствие – «scorners». Эти люди высмеивают веру в Бога и признают лишь ту мудрость, которая может быть доказана логически [2]. Насмешники преувеличивают интеллектуальный компонент веры. «Надменный злодей – кощунствующий имя ему – действует с буйной гордостью» (Притчи Соломона, 21:24). Насмешка, как известно, ассоциируется с поведением Сатаны как главного искусителя человечества. Третью группу составляют глупцы, «ksilim» - букв. «тупицы». Они презирают мудрость и знание, склонны к пустословию. В «Притчах» есть интересный пример диалектического отношения к глупцам:

Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему; но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих (26: 4-5).

Этот тезис толкуется богословами как призыв не вступать в дискуссию с глупцами по обиходным вопросам, но прилюдно отстаивать ценности вероучения. Глупец отличается от невежды тем, что невежду можно исправить, а глупый пустослов неисправим. Особую опасность глупцы представляют для мудрецов: если невежду можно просветить, а циника убедить логически,

то спор с глупцом – это потеря времени, и в ходе такого спора мудрец может потерять терпение и впасть в гнев, т.е. уподобиться глупцу. Показательно речение:

Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей, нежели глупца с его глупостью (17:12).

Этот образ является гиперболой – разъяренная медведица готова разорвать тех, кто убил ее детенышей. Глупцам свойственно давать нелепые обеты и жить сегодняшним днем, пренебрегая будущим. В притчах сказано, что «упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их» (1:32). Более точный перевод - «отступничество невежд», их склонность легко уступать соблазнам. Беспечность глупцов объясняется их неспособностью вести себя в соответствии с обстоятельствами. Заметим, что в пословичном фонде разных народов резко осуждается глупость, поскольку устранить вред от глупости бывает сложнее, чем от сознательно нанесенного вреда. Писатель Юлиан Семенов иронически заметил: «С дураками следует считаться ввиду их численного превосходства». Как видим, ситуация не изменилась за несколько тысячелетий и вряд ли изменится.

Важнейшим концептом в «Притчах Соломона» является «праведность» – «tsedek», англ. righteousness, т.е. поведение и внутреннее состояние в соответствии с религиозными установками веры в Бога, выполнения божественных предписаний, доброго отношения к людям, ответственности за свои поступки. В рассматриваемых речениях сказано, что праведника любит Бог, что с праведным не приключится зла, что блаженны родители и дети праведного, и приводятся уточнения наград за праведность и наказаний за нечестивое поведение: праведник ест до сытости, а грешник голодает (проповедник уверяет, что такое положение дел непременно наступит), в доме праведника обилие сокровищ, а «в прибытке нечестивого – расстройство», молитва праведника будет услышана, а жертвы нечестивого будут отвергнуты. Впрочем, говорится и том, что праведники бывают бедными:

Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели [богатый] со лживыми устами, и притом глупый (19:1).

Показательно уточнение: богатый обманщик, который при этом еще и глуп. В поведении праведника отмечено то, что он ненавидит ложь, а нечестивый «срамит и бесчестит» - здесь подчеркнута мысль о недопустимости клеветы и ложных обвинений. Особенно важна справедливость в суде:

Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного - оба мерзость пред Господом (17:15).

Праведность неразрывно связана с мудростью, а нарушения праведности – с глупостью и ленью:

Сердце праведного обдумывает ответ, а уста нечестивых изрыгают зло (15:28). Путь ленивого - как терновый плетень, а путь праведных - гладкий (15: 19).

Обратим внимание на то, что в речениях о праведном и греховном поведении не содержатся

призывы к раскаянию, такие призывы наличествуют в других книгах Священного Писания. Задача проповедника в поучениях – призвать своих слушателей не грешить, раскаяние же представляет собой более высокую ступень приближения к спасению.

В комментариях к «Притчам Соломона» отмечалось, что первые девять глав этой книги обращены к юноше, а последующие – ко взрослому человеку [3, с. 6]. Соответственно, дидактические установки выражены в первых главах поучения более отчетливо, чем в последующих. Проповедник призывает юношу смириться с неизбежностью наказания:

Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему (3: 11-12). Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его (13: 24).

Наказание рассматривается как неизбежная инициация взрослеющего человека, т.е. как испытание, которое следует достойно преодолеть. Речь идет о божественном наказании. Но видна параллель с воспитанием ребенка в семье: любовь, по мнению автора притч, должна быть сопряжена со строгостью. Такое отношение к детям является традиционным для народной культуры в целом и ярко выражено в педагогике «Домостроя»:

И не жалей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. ... Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погубелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой (Домострой, глава 21).

Физическое наказание ребенка считалось не только допустимым, но и необходимым. В качестве основания для такого поведения взята установка – держать ребенка в страхе, и тогда страх перед суровым отцом преобразуется в страх Божий как главный мотив поведения взрослого человека. Фразы из «Домостроя» недвусмысленно говорят нам о том, чего искренне опасается носитель той культуры – неповиновения, ущерб, насмешки и порицания.

Вместе с тем в книге настойчиво повторяется идея о том, что наказание ждет именно тех, кто нарушает законы:

Злое наказание - уклоняющемуся от пути, и ненавидящий обличение погибнет (15:10).

Понятно, что критику никто не любит, но человек, который способен исправиться, найдет в себе силы перенести обличение и признать справедливость наказания. Тот, кто не хочет вынести его, обречен на смерть – духовную и физическую. Вместе с тем мудрец признает, что определенных людей обличать бесполезно:

Не любит распутный обличающих его, и к мудрому не пойдет (15: 12).

Это речение перекликается с рядом сентенций о том, что напрасно увещивать глупцов.

Нельзя не отметить важную для проповедника тему – противостояние вожделению. Известно, что каждому возрасту присущ в большей мере определенный порок: вожделение – юным, ссоры – людям среднего возраста, скупость – старикам. Вожделение, тяга к разврату – следствие бесконтрольности эмоциональной сферы личности, ссоры обусловлены неспособностью сдерживать гнев и раздражение, а в основе скупости лежит страх. «Притчи Соломона» избилуют призывами избегать блудниц:

...ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елей речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней. Если бы ты захотел постигнуть стезю жизни ее, то пути ее непостоянны, и ты не узнаешь их (5: 3-6).

В Библии подробно описаны этапы жизненного пути царя Соломона, и мы знаем, что он был влюбчив, у него был огромный гарем (число жен было статусным показателем монарха), и его жены часто ссорились, интриговали и поклонялись разным богам, тем самым навлекая на царя гнев единственного подлинного Бога. В приведенном эмоциональном описании показаны женские чары, перед которыми не может устоять юноша, и наказание за слабости и нежелание сохранить в чистоте свою душу. Заметим, что говорится о чужой жене, а не о незамужней женщине. Показателен контраст: по вкусу – сладость (мед) и горечь (полынь), по осязанию – нежная мягкость (елей) и твердое железо (меч), смерть физическая (в этом мире) и духовная (в преисподней). В этом же ряду неизбежных зол фигурирует непостижимость поступков женщин – мы видим, что царь, которого все считали мудрым, остро переживает, что ему не хватает проницательности, чтобы понять душу женщины. И в Притчах, и в книге «Экклезиаст» Соломон более всего упрекает себя (под видом поучений для юношества) в том, что не смог противостоять женским чарам.

Отрицательная оценка выносится не только распущенным женщинам, но злым женам:

Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме (21: 9).

Эта жалоба обиженного мужа иллюстрирует житейские неудачи в семье (угол горизонтальной кровли, где трудно уместиться и откуда легко упасть, оказывается лучше, чем просторное жилище). Подобные суждения понятны людям зрелого возраста.

Резко осуждается злонамеренность как черта характера:

Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобою. Не ссорься с человеком без причины, когда он не сделал зла тебе (3: 29-30).

Отсутствие мира в душе, подлая радость от причинения зла другому, особенно если тот ни в чем не виноват, резко осуждаются в книге притч.

Столь же негативно оценивается и нежелание помочь другому:

Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори

другу твоему: «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе (3: 27-28).

Обратим внимание: нормой поведения является действенная любовь к людям. Интересна психологическая характеристика злых по натуре людей:

...потому что они не заснут, если не сделают зла; пропадает сон у них, если они не доведут кого до падения (4:16).

Злодеи творят зло, поскольку они так устроены. Отсюда вытекает важный вывод – не следует пытаться уговаривать таких людей вести себя по совести. Злодеи, подобно глупцам, не поддаются увещанию, следовательно, нужно дистанцироваться от них.

Наряду со злодеями резко осуждаются бездушные люди, лишённые сострадания:

Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить, - и не будет услышан (21:13).

Обращает на себя внимание эмоциональная стилистика приведенной фразы, звучащей как пророчество. Подобные фразы обладают высокой энергетикой:

Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов (21:16).

Английский перевод этого стиха точнее передает исходный текст, но уступает, на мой взгляд, более выразительному русскому переводу: *The man that strayeth out of the way of understanding shall rest in the congregation of the shades.*

Поучения в притчах касаются различных грехов. Следующим образом обличается распространенный порок – лень:

Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник (6: 10-11).

Мудрец призывает слушателя не терять ни минуты жизни: значимо слово «немного», как будто кто-то оправдывается в том, что лишь чуть-чуть отдохнул, но слышит в ответ суровое предостережение. Лентяй сам виноват в своих бедствиях. Бедность приходит незаметно, как прохожий, и нужда, т.е. крайняя бедность, сравнивается с нападением разбойника.

Заслуживают внимания некоторые принципы поведения, четко сформулированные в притчах:

Не говори: «я заплачу за зло»; предоставь Господу, и Он сохранит тебя (20:22).

Возмездие в различных сообществах считается нормой поведения, но проповедник призывает не брать на себя функции карателя, поскольку нанесенное зло неизбежно вернется по кругу на голову мстителя. Высказанное суждение в сжатом виде содержит в себе существенные идеи христианства и в известной мере диссонирует с нравами ветхозаветного общества.

Принцип действенного добра афористически сформулирован в следующем стихе:

Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение? (24:11).

В прямом смысле спасение взятых на смерть (разумеется, невинных) представляет собой образец подвига, а в расширительном толковании речь идет о спасении души тех, кого еще можно спасти.

Заслуживает комментария следующий стих:

Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется (24:17).

Людьми свойственно радоваться, когда с теми, кто их не любит, случается беда. Приведенное суждение заставляет человека задуматься о том, кто на самом деле распорядился так, что враг потерпел неудачу, и трезво оценить свою роль в миропорядке.

В тексте притч мы сталкиваемся с пронизательными суждениями о том, что не стоит делать поспешные выводы:

Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой выдает себя за бедного, а у него богатства много (13:7).

Глубокий смысл содержится в сентенциях, призывающих трезво оценивать вероятность того или иного события:

В полу бросается жребий, но все решение его - от Господа (16:33).

В ряде случаев люди бросают жребий, чтобы уйти от ответственности за последствия событий. В приведенном суждении прослеживается элемент фаталистического отношения к жизни.

Некоторые речения обращены к людям, которым приходится принимать решения, например, в суде:

Корыстолюбивый расстроит дом свой, а ненавидящий подарки будет жить (15:27).

В данном контексте подарки – это, по видимому, те дары, которые преподносят сильным мира сего ради получения определенных выгод. Вместе с тем приводится и диалектически связанное с этой фразой противоположное по смыслу речение:

Подарок - драгоценный камень в глазах владеющего им: куда ни обратится он, успеет (17: 8).

Подобные фразы можно трактовать как иронические суждения, но вполне допустимо и утилитарное их прочтение.

Некоторые суждения представляют собой сжатые в одну фразу сюжеты, заслуживающие осмысления и запоминания:

Разумный раб господствует над беспутным сыном и между братьями разделит наследство (17:2).

Горько царю видеть, что его родной сын сбился с пути, и все наследство перейдет к чужому человеку, особенно если тот – низкого происхождения. При этом с долей самоиронии мудрец констатирует, что раб разумен.

Мудрец призывает искать мотивы в суждениях людей:

Многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит? (20:6)

Из этой фразы вытекает, что похвала часто бывает лживой, либо вызвана корыстными намерениями.

Образная система «Притчей Соломона» включает яркие и запоминающиеся картины. Например:

Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится (26:27).

Аллегорически охарактеризованы те, кто замышляют зло другим и затем сами становятся

жертвами своих замыслов. Интересно отметить визуальный контраст: низ и верх, некто роет яму и катит вверх камень. Под рытьем ямы подразумевается ловушка, а камень катят в гору, чтобы он затем раздавил неприятелей.

Символический смысл речений Соломона надолго остается в памяти:

Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? (6: 27-28).

Огонь ассоциируется с опасностью и мучениями, при этом четко прослеживается антиномия света и огня как добра и зла. Отсюда рождается очень емкий образ преисподней как огня во тьме.

Используемые мудрецом образы эмоционально заряжены:

Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и - безрассудная (11:22).

В приведенной сентенции показано, что в жизни есть место абсурду.

Образы Книги Притчей постоянно привлекают к себе интерпретаторов. Отметим своеобразие ассоциативного осмысления глагола «губить» в стихе «Расстроивающий дом свой получит в удел ветер» (11:29), в исходном тексте – «кто губит», точнее, «превращает в муть», т.е. в жидкую грязь. Соответственно, очищающий ветер уничтожает такой сгнивший изнутри дом.

Книга притч побуждает мыслить, ее ассоциативный потенциал безграничен:

Кто восходил на небо и нисходил? кто собрал ветер в пригоршни свои? кто завязал воду в одежду? кто поставил все пределы земли? какое имя ему? и какое имя сыну его? знаешь ли? (30:4).

Перед нами символы, интерпретация которых требует отказаться от стандартного мышления, они напоминают коаны – парадоксальные суждения, доступные только интуитивному пониманию.

Подведем основные итоги.

Основные лингвопоэтические характеристики книги «Притчи Соломона» сводятся к специфической бинарной структуре ее стихов, мозаичной организации ее тематики и ее ритму, обусловленному конденсированностью словоформ, порядком слов в предложении и регулярностью синтаксических повторов. Важнейшими концептами этой книги являются «мудрость» и «праведность» как высшие ценности человека, суммируемые в виде диалектического единства. Прагматической доминантой книги притч Соломона является установка на деятельное добро с учетом жизненных обстоятельств и возможностей людей, которым можно либо нельзя помочь. Образная система «Притч Соломона» отличается высокой степенью символизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мэтью Г. Толкование книг Ветхого Завета / Г. Мэтью. - 2007. - (<http://tpor.ru/tolkovaniya/metyu-genri-tolkovanie-knig-vetxogo-zaveta>).
2. Утевский Л. Мудрость против глупости / Л. Утевский. - (<http://www.freie-juedische-meinung.de/ru/2012-03-29-14-48-34>).
3. Бриджес Ч. Толкование Книги притч Соломона / Ч. Бриджес / Пер. с англ. Е.Ф. Марчука. — Мн.: МФЦП, 2006. — 336 с.
4. Книга Притчей с толкованиями РаШИ и РаДаКа / [Пер. с евр. Ф.Гурфинкель]. - Иерусалим – Запорожье: Jewish Book, 2013. - Т.1. – 256 с. - Т. 2 – 264 с.
5. Лопухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов / А.П. Лопухин. – Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987. - (<http://www.lorbible.narod.ru>).
6. Олесницкий А.А. Книга Притчей Соломоновых (Мишле) и ее новейшие критики / А.А. Олесницкий. – М., 2005 (Киев, 1884). - (www.bible-mds.ru).